

**Круглый стол «Радиологическая безопасность юго-восточной территории Гомельской области: мифы и реальность». 04.06.2015 г.
д. Круковщина, Смолевичский район, Минская область.**

Выступления участников

Основные вопросы, поставленные перед выступающими: можно ли жить в Брагинском районе, можно ли там быть здоровым, как жить и как развиваться?

Бобринева Анна Николаевна, председатель объединения профсоюзов Брагинского района, бывший заместитель председателя Брагинского районного исполнительного комитета:

Я уроженка этого района, очень давно родилась в Брагинском районе, в деревне Маложин. Моя деревня всегда была в зоне загрязнения 1,5 Кюри, то есть она никогда не отселалась, но тем не менее, со своими школьниками, с детьми, с которыми я работала в свое время в Маложинской школе я выезжала 7 мая. Мы были в санатории Чёнки под Гомелем, потом два месяца под Минском, затем мы все возвратились, и с тех пор я там была и работала и сейчас живу и работаю.

Трудно за несколько минут рассказать, как мы жили и работали все эти 29 лет. В следующем году у нас 30-летие Чернобыля, и нам бы меньше всего хотелось стелать, по поводу того, что было, а хотелось бы рассказать о том, почему же мы остались, исключая меркантильный интерес, об этом кощунственно даже говорить, и что мы сегодня имеем. Почему мы работаем и с «Зеленым крестом» и с другими общественными организациями столько лет.

Брагинский район один из первых, участвовавших в международной программе CORE вместе с БОРБИЦ, Министерством по чрезвычайным ситуациям, французскими партнерами. На сегодняшний день, мы имеем результаты этой деятельности в нашем регионе. Это исторический музей с картинной галереей, который является сегодня, наряду с памятником Василия Игнатенко – нашего героя – местом памяти Чернобыля, потому что именно там, в этой галерее, собраны те воспоминания, вся та деятельность, которая происходила за это время, и в картинах, и в воспоминаниях, и в фотографиях, которые люди приносили сами, и создали совместно с французскими партнерами выставку «Потерянная земля», которая является на сегодняшний день, возможно, единственной даже в Республике Беларусь.

Мы работали с другими партнерами вместе с Институтом радиологии, мы работали и с немецкими партнерами, мы работали с норвежскими партнерами, мы работаем сейчас уже в рамках «Зеленого креста» и побывали недавно в Италии, познакомились с их опытом социального развития, и экономического, и человеческого. Сегодня я могу гордиться тем решением, которое когда-то приняла – остаться в этом районе, быть со своими людьми, работать с ними. У нас тоже не все просто, не такое простое отношение и к нашему сотрудничеству, и к реализации проектов, особенно к сотрудничеству с иностранными партнерами. В чем-то мне повезло, в чем-то нет. Но на сегодняшний день я в этом районе, я 14 лет отработала заместителем председателя райисполкома, курируя общественную, социальную, партнерскую деятельность. На сегодняшний день, я представляю объединение профсоюзов – это новое объединение, которое было недавно создано. Я с удовольствием пошла и на эту работу, чтобы каким-то образом продолжать общественную деятельность, которая требует очень много сил, здоровья и внимания, и общения с людьми. Это тоже не так просто. Надо быть убедительным, надо уметь рассказать так, чтобы люди поверили и не только остались там жить, а еще участвовали в проектах. На сегодняшний день я очень благодарна и тем, кто сегодня здесь, в этой резиденции «Зеленого креста», и тем, кто еще остался там, в Брагине, работает, каждый на своих местах. Может быть, иногда и приходится доказывать свою необходимость, свои побуждения, почему стоит там жить и работать, и растить детей, достойных детей, которые могли бы конкурировать с другими областями и регионами нашей республики, и быть нашим будущим. Ведь мы сегодня думаем не только о том, что было, не только плачем и вспоминаем, а также думаем о будущем нашего региона, о том, чтобы наши дети получили достойное образование, воспитание и потом могли продолжать все наши дела.

Конечно, мы очень рады были в свое время любому партнерству, любому шагу навстречу Брагинскому району, чтобы помочь ему и экономически и морально поддержать людей, чтобы они все-таки не чувствовали себя изгоями, пострадавшими и жили достойно и красиво. Иной раз кажется ничего не меняется, но брагинцы все реже и реже говорят о том, что было, как было черно, как слезно, они все больше думают о будущем, о нашей красивой родине, о том, что она достойна быть, жить и развиваться, другого нам не дано, мы свой выбор в свое время сделали, нас его никто не заставлял делать. И как 29 лет назад нас боялись и нас не понимали, так и сейчас, к сожалению, бывают такие моменты.

Я не хочу никого убеждать. Хотите работать с нами – работайте, боитесь ехать к нам из Минска – не едьте. Мы найдем партнеров в Гомеле, найдем достойных партнеров и в Мозыре, и в Калинковичах – прекрасные города Гомельской области, где тоже жизнь продолжается и есть специалисты своего дела, есть прекрасные художники, прекрасные артисты.

Сегодня мне очень обидно слышать, что кто-то не хочет ехать в Брагин из-за того, что случился пожар возле Чернобыльской атомной станции. Сегодня не 1986-й год, когда пытались и скрыть что-то, и замаять. На сегодня ситуация вполне прозрачная. Почему же нужно доказывать, что, приехав на 2-3 дня на пленэр, работая с нашими детьми, не нужно чего-то бояться? Иностранные партнеры никогда не боялись Брагина – приезжали к нам, работали, поддерживали нас, а свои до сих пор чего-то боятся и до сих пор их нужно в чем-то убеждать.

Мы недавно побывали в Италии. Что мы вынесли оттуда? Какая бы не была экономическая ситуация, какая бы не была политическая ситуация, все делают люди. Сицилия – страна мафии, но люди прекрасные, принимали и понимали нас прекрасно.

Мы сегодня готовились к 70-летию Великой победы, как и все регионы. Конечно, нам трудно это делать. Слишком много разрушенных домов, слишком много денег надо, чтобы убрать такие дома – это большая проблема, на это государство выделяет нам деньги и посредством департамента и других структур, из которых идут деньги именно на наши регионы, но не на то, чтобы мы обогатились, а на то, чтобы создать нормальные условия для жизни людей и для наших детей. Так вот сегодня мы выглядим не хуже, чем другие регионы. У нас проходит мониторинг республиканский по благоустройству. И даже с приходом нового председателя, даже за последние два месяца сделано очень многое. Сделано теми же самыми людьми, которые там живут и работают. Никто к нам не приехал, никто не прибирался, не снес эти дома. Даже если приезжали, то за это им платили. Остальное мы делаем сами: сеем огороды, развиваем личные подсобные хозяйства и имеем такой опыт работы, и в Гомельской области, и на территории Республики Беларусь, что к нам можно приезжать учиться. Есть еще люди, которые любят свою землю, которые возделывают и получают прекрасные результаты. Кстати, наша продукция – фермеров и личных подсобных хозяйств – не только у нас котируется: в Гомеле, на всех рынках, супермаркетах, в Минске, но и Москву мы сегодня покоряем. Есть отдельные фермеры, которые работают в этом направлении. Я думаю, с поддержкой нашего проекта и «Зеленого креста», мы эту деятельность разовьем так, что, милости просим, приезжайте, чтобы поучиться, как мы умеем выживать в тех условиях, которые не по нашей воле там созданы.

Всем спасибо. Дальнейших успехов и нашему проекту, и жителям Брагинского региона, от всей души желаю.

Кропотин Ю.О., главный врач Брагинской районной больницы:

(Дополнительный вопрос про учет социальной запущенности в регионе)

Я представляю медицинскую сферу главным образом Брагинского района. Я сам не из Брагина, я с Гомельщины, из пригородов Гомеля. В Брагинский район попал по распределению, и вот уже в августе будет пять лет как я работаю в Брагинском районе. Страху никакого не было, я знал, какие это территории, когда распределялся туда, как и у многих, кто распределялся, страха не было. И те, кто работают, тоже поехали и продолжают работать дальше.

Если в общем говорить про радиацию, про то, можно ли там жить или не жить, то, конечно, можно жить и развиваться дальше, и тому примеров очень много и у нас и во всем мире. И Челябинск, и Хиросима, Нагасаки, Фукусима, и все живут и здравствуют, и развиваются. Подробнее про радиацию, вероятно, расскажет сотрудник Института радиологии, но радиация есть и естественная, которую мы получаем ежедневно, круглый год – это солнечная радиация, космическая радиация. И не известно, что вреднее. Не так страшен черт, как его малюют. Еще Парацельс говорил, все зависит от количества – яд может быть лекарством, лекарство может быть ядом. Те же самые радоновые ванны в Швейцарии, в Германии как раз используются *[в лечебных целях – ред.]*. А основной страх, и это уже научно доказано и не только в радиации и при многих других состояниях – это фобии, а в данном случае радиационная фобия, которая порождает хронический стресс. Вот что является сейчас основной проблемой, не сама радиация, а именно стресс хронический, который порождает в течение какого-то определенного времени те или иные болезни. И это тоже научно доказано, что большинство болезней «от нервов», от хронического стресса, которому подвергнуты практически все сейчас. Острый стресс менее вреден, хронический, продолженный во времени, порождает те или иные патологические реакции. Поэтому не от радиации, конечно, человеку нужно избавляться, а от той или иной фобии, в частности, радиационной фобии.

Что касается социальной запущенности, я не считаю, что радиационная обстановка как-то с ней связана. В Брагинском районе есть, конечно, социальная запущенность, как и в других районах. Но это зависит от некоторых других вопросов, о которых, наверное, здесь лучше даже не говорить. Многие знают эти вопросы. И от самих людей зависит, хотят они развиваться, жить в этом районе и в других районах или нет, зависит от самого человека, а не от радиационной обстановки. Примеров тому много, я уже перечислял те страны, города, в которых люди живут и развиваются дальше и ни один из них не умер от радиации.

Вклад радиации в заболеваемость и в смертность, для меня это актуально как для представителя медицины, составляет 1-2 процента и то очень и очень косвенно. А основной вклад – это курение, алкоголь и образ жизни, сам образ жизни человека – это 50 процентов. Так что радиация там, практически, незаметна. Поэтому, как мы живем, что пьем, что едим, то тогда и получаем, но это не радиация.

Артюшкевич Е.С., корреспондент белорусского радио «Культура»:

Как же вы себя защищали все эти годы, себя, свою семью, свое окружение, своих родных, это наверно тоже был очень больной вопрос?

Кропотин Ю.О.:

В те времена был Советский Союз, и, при всех плюсах, были моменты, когда пытались как-то скрыть, замаять, чтобы не было такого резонанса общественного, мирового. Но защита, естественно, включает опять же контроль за питанием. Сейчас много различных препаратов, биологически активных добавок, отличные витамины, которые являются мощными антиоксидантами.

Конечно, тогда это все было сложнее. Сейчас все более информатизировано, все везде доступно. Но всю эту информацию нужно шлифовать, потому что информации море и она не всегда бывает правдивой.

Артюшкевич Е.С.:

То есть медицинская стратегия какая-то выработана?

Кропотин Ю.О.:

Да, здоровое питание, здоровый образ жизни.

Артюшкевич Е.С.:

Питание привозное?

Кропотин Ю.О.:

Да, если вы говорите об этих населенных пунктах, то да.

Из зала:

Нет не привозное, не только.

Святкина Н.А.:

Евгения Сергеевна, вы спрашиваете о том, что было когда-то или о том, что есть сейчас?

Артюшкевич Е.С.:

Я думаю, что ситуация, наверное, не так уж сильно изменилась. Это, кстати, вопрос, тоже требующий пояснений.

Из зала:

Изменилась, сильно изменилась.

Кропотин Ю.О.:

Сегодня люди питаются своими продуктами, со своих огородов.

Бобринева А.Н.:

Дело в том, что благодаря проектам, которые были реализованы, в частности, с французами, были созданы дополнительные пункты местного контроля, чтобы люди смогли проверять свою продукцию не только в центре гигиены и эпидемиологии, а также в этих местных центрах. Раньше их было 6 на территории нашего района. Сегодня эта проблема немного теряет свою актуальность, но, тем не менее, эти местные центры еще есть. Всякая работа, которая проводилась службами, ведь каждый в своем направлении работал – медицина в своем направлении, центр гигиены в своем направлении, образование, социальные службы – все в первую очередь работали над тем, чтобы информация была полной, образовательной, достоверной, и, чтобы эта информация работала на то, чтобы каждый человек в первую очередь задумался о том, что его пребывание на этой территории, его достойное пребывание, зависит во многом от него самого. Чтобы он сам понимал, что его здоровье и здоровье его детей в его собственных руках.

Савченко И.М., заведующая отделом филиала Белорусского отделения Российско-белорусского информационного центра по проблемам катастрофы на Чернобыльской АЭС:

При огромном уважении к французам, я думаю самое время сейчас внести ясность по поводу того, что сделало наше государство в этом направлении.

В Советском Союзе действительно было определенное замалчивание проблемы. Но необходимо помнить, что тогда произошла ситуация, которая в маркетингологии называется «unknown unknown» – «неизвестное неизвестное». То есть ситуация, в которой никто ничего о ней не знает. Представьте себе, что происходит ситуация, глобальная катастрофа экологическая, и никто не знает, что с этим делать. Поэтому, возможно, это информационное поле, которое, к сожалению, в дальнейшем породило столько мифов, столько негативных последствий идеологических, которые мы до сих пор имеем, возможно, именно она была связана даже не столько с нежеланием властей и специалистов говорить, сколько с непониманием, о чем нужно говорить.

Но эту ситуацию, как совершенно верно было подчеркнуто, мы не просили, Беларусь ее не заказывала, нам эта ситуация была навязана и ликвидация Чернобыльской катастрофы была навязана Республике Беларусь.

В течение 30 лет Республика Беларусь достойно, последовательно, с огромным финансированием, с огромными усилиями преодолевала эти последствия. На сегодняшний день Республика Беларусь в международном контексте является страной-экспертом по преодолению радиологических катастроф. Ни одно собрание – международное собрание – самого высокого уровня, не обходится без белорусских представителей. Когда произошла Фукусима, брагинцы, конечно, это знают, как и наш информационный центр, поток японцев был сюда нескончаем. Они приезжали и говорили: «Ребята, скажите, что делать? Вы же сделали все за 30 лет, а мы не знаем, что делать». Так вот я пройду по самым-самым верхушкам, что было сделано за 30 лет, чего не сделал никто в мире, что сделала Республика Беларусь. При всем уважении к международным программам, я хочу сказать, что государственные программы, программы союзного государства – это бюджеты, годовые бюджеты Республики Беларусь за несколько лет, которые были пущены на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы. Государство вложило огромные деньги в восстановление этих районов.

По поводу продуктов питания. Республика Беларусь имеет уникальный, многоуровневый – трёхуровневый, точнее говоря, и трехступенчатый контроль продуктов питания. Немного забегаю вперед и в ответ на вопрос прессы о питании. На всех предприятиях, которые созданы и работают на пострадавших территориях, один раз контролируется сырье, второй раз контролируется продукт, третий раз контролируется упакованный продукт. Поэтому все, что поступает в государственную торговую сеть, оно абсолютно безопасно для питания. У меня встречный вопрос к СМИ – как вы считаете, сколько раз недосмотрели и продукт, содержащий превышающую нормы радиацию, попал в торговлю?

Артюшкевич Е.С.: Я не знаю.

Совершенно верно, потому что ее нет. Не было ни одного случая, чтобы облученные продукты попадали в торговую сеть. Другое дело, что государству пришлось и приходится тратить очень большие усилия на то, чтобы люди правильно вели свои подсобные хозяйства, правильно пользовались лесными дарами, потому что не в силах государства контролировать каждую ягоду. Но все, что покупается в магазинах, все что производится, прекрасная молочная продукция в Хойникском районе, это все вкусно, все абсолютно безопасно.

Есть еще трёхуровневый контроль. Он заключается в том, что три уровня организаций контролируют продукты питания, которые изготавливаются на пострадавших территориях: межведомственный, межгосударственный и общественный.

Это прекрасно функционирующие районы, развивающиеся, которые великолепно использовали возможность финансового внимания, которое было им уделено в эти годы для того, чтобы сделать колоссальный рывок вперед. На сегодняшний день – это районы победители, это люди с очень позитивным мышлением.

Я когда-то давно, когда работала журналисткой, брала интервью у Анастасии Петровны Федосенко, и она мне сказала замечательную вещь, я так и статью назвала «Радиология – любовь моя». Она сказала, что «если бы не случился Чернобыль, я бы не встретила свою радиологию, а я

ее встретила, я ее открыла, и мы с ней счастливо всю жизнь прожили. Я ее так люблю, я ее так хорошо знаю».

Дело в том, что Беларусь, как только стала самостоятельной республикой, объявила себя зоной бедствия, и привлекла внимание международной общественности к тому, что мы зона экологического бедствия, и начала очень и очень активно развивать институты, которых нам тогда не хватало. Это институты радиоэкологии, институты радиобиологии и прочие, потому что это целая система, система здравоохранения, система лесной и с/х защиты. На сегодняшний день мы в совершили колоссальный рывок [*в этом направлении – ред.*] по сравнению со всем остальным миром. Но у нас остались головы, с которыми надо еще работать и работать много-много лет. Потому что проблемы, которые на сегодняшний день на этой территории существуют, это, как совершенно верно сказал коллега, целиком и полностью идеология, потому что не столько мы имеем в жизни проблем, сколько мы их можем сами в головах придумать, культивировать, и найти себе оправдание, почему я жертва, почему туда нельзя ходить, почему не нужно ничего делать и т.д. То есть это уже наши головы, наши мозги, наш дух, который должен быть вдохновляем самыми лучшими представителями этого района.

Спасибо.

Котлобай Т.В., директор Благотворительного фонда «Росток жизни»:

Я представляю общественную организацию «Росток жизни». К этой теме мы пришли немного позже, мы не стояли у истоков, с 1986-го года, это было уже, конечно, в 1990-е годы. Но я, пожалуй, начну с другого.

Каждый человек имеет право выбора. Мы действительно остались там жить по собственной воле, никто нас к этому не принуждал. Если плодоносящее дерево, когда оно уже отцвело, плодоносит и приносит плоды уже несколько лет, выкопать и пересадить в другое место, оно никогда не зацветет и не заплодоносит. Эта аналогия проведена моей жизнью и это, наверное, мой девиз, потому что я знаю, что те люди, которые уехали из загрязненных районов, они перенесли такой стресс, который, наверное, спровоцировал рост онкозаболеваний, про которые сегодня у нас спрашивают, он разрушил многие семьи. Это было разрушение традиций, разрушение культуры, это было все то, что принес Чернобыль, внёс в нашу жизнь. Вы знаете, что такое распавшиеся семьи в 1986-м году, дети в одном санатории, матери в другом, вы знаете, как мужики пили водку, рушились семьи, потому что все выводили радиацию, народ начал спиваться, все почувствовали конец света.

Но мы возродились, мы сегодня живем и живем достойно. Фобия, которая была, она, наверное, встала у истоков той работы, которую мы начали, потому что, если ты владеешь информацией, если ты вооружен, то ты многое можешь сделать, не только для себя, для своей семьи, ты можешь сделать для своих коллег, для своих соотечественников и в то же время, ты можешь рассказать миру о том, как это можно, как нельзя. И на сегодняшний день, всю ту информацию, которую мы наработали, мы ей делимся с коллегами из Франции, и со словаками, бельгийцами, японцами.

Мы мониторим среду, мы мониторим продукты питания, об этом скажут мои коллеги, я в общих словах только хочу сказать про это. Когда ежегодно весной случаются пожары или обвалилась какая-то стена, нам звонят со всей республики. Мы имеем 6 точек для измерения внешней среды, мы не имеем повышения уровня радиации в этих точках. Мы мониторим продукты питания, и превышение есть только, когда грибы растут не в тех местах, где их можно собирать, в мигрирующих диких животных, в дикорастущих ягодах.

В свое время мы убрали стада молочные. Сельские жители, когда их запугали тем, что все грязное, молоко грязное, сдавали коров, и такая политика привела, к некой опустошенности. Возможно, народ теперь уже немного и разленился и проще купить молоко в магазине. Но и здесь на семинаре есть девочки, которые держат 7-10-20-30 коров, которые сегодня это молоко сдают, и это молоко идет на переработку. Есть масса информации, масса наработок, масса методичек, как можно хотя бы из условно грязного продукта сделать чистый, абсолютно чистый. Мы знаем, какие продукты могут сегодня выделить осадок, та же сыворотка.

Я очень часто выступаю на семинарах и рассказываю о той работе, которую мы ведем с детьми. Менталитет взрослых мы уже не можем поменять, но мы постарались в своей общественной работе направить внимание на тех детей, которые родились, которые с молоком матери впитают нашу информацию. То есть мы уберем у них фобию, мы научим их жить. Мы приучаем народ в случае сомнений проверять свои продукты, в государственной лаборатории, в общественной лаборатории их померить. Местные власти поддерживают эту работу. Да, мы тоже покупаем [*продукты – ред.*], мы тоже имеем хорошую торговую сеть, но мы живем в сельской местности, у нас традиционно сельский регион и, живя в сельской местности, мы не можем деградировать наши земли. Мы их наоборот должны развивать, вы нам должны в этом помочь, новые какие-то экологические проекты, чтобы минимизировать всю эту химию, чтобы мы сегодня имели возможность работать с биологически активными препаратами по обработке, по уничтожению, по минимизации последствий Чернобыля, вот чего мы хотим.

В заключение хочу сказать, что, если вы меня слышали и если вы передадите каждый здесь по цепочке второму, четвертому и пятому, вы уберете эту фобию. Мы сегодня можем делать почву, мы сегодня можем выращивать овощи, мы хотели бы делать сегодня сады, мы знаем направления, какие есть аккумуляторы [*радиации – ред.*], что вообще не аккумулирует в Брагинском районе. Сегодня в Чернобыльской зоне можно яблоки сажать, кукурузу. Поэтому, конечно, очень хотелось бы, чтобы наши инициативы были поддержаны и поняты всеми.

Спасибо всем.

Федосенко А.П., дозиметрист центра местного радиационного контроля д. Красное:

Я тоже родилась в Брагинском районе и во время этой катастрофы работала главным зоотехником местного совхоза, который находился на территории, прилегающей к этому Чернобылю злополучному. И вот, вспоминали Советский Союз, конечно, но я его всегда защищала и защищаю, потому что неразбериха была только от 26 апреля до 3 мая, когда объявили эвакуацию. А потом все было под строжайшим контролем.

Почему я оказалась радиологом. Я всегда говорю, время выбрало нас. Агроному это не надо было, а мне надо было и молоко сдавать государству и мясо, а в первые дни аварии таких приборов, как сейчас, не было, но все, какие были, оказались в моих руках. Я как-то срослась с ними, привыкла. И потом в 1994-м году я ушла на пенсию и пошла работать в радиологическую лабораторию, которая находится в 25 км от Чернобыля. Там контроль был буквально с первого дня. Все измерялось, все замерялось. Хотя какими приборами, но мы мерили. И скот перед сдачей мерили, молоко каждый день проверяли, чтобы оно не шло грязное. Но допустимые уровни в то время были совершенно другие. Если сравнить те первые и сегодняшние, то они очень отличались. Они шли в сторону снижения накопления радиации.

Работа велась на таком уровне, что контроль был повсеместный, общий контроль. Тогда вся продукция, которая поступала, в детские сады, в школы, на рынки, в магазины, все проходило через эту лабораторию и, если не было письменного моего разрешения, никто никуда эту продукцию не принимал. Практически все время такой контроль был. Потом в 2003 году, когда открылся знаменитый проект CORE с французами, они нашу работу повернули в такое русло, что мы стали ближе работать с людьми. В 1994-м году мою лабораторию и меня попросили посотрудничать с БелРАДом - минским институтом, Андрей Нестеренко был директором. Я с ними и по сей день продолжаю сотрудничать. Мы решили проверять пробы и от населения. Сейчас я каждый месяц проверяю порядка 50 и 45 проб, а иногда и по 80. Все эти годы ни одного дня не было, чтобы мы отпустили этот контроль.

Когда была программа CORE, к нам впервые из института БелРАД приехала передвижная установка, которая меряет внутреннее накопление. До этих пор такого прибора у нас не было. С 1986-го по 2003 никто ничего такого не мерил. Тогда мы делали первые замеры детей, взрослых не измеряли, только детей – в школах и садиках. Я при этом, естественно, присутствовала, и записывала семьи, где дети были с большим накоплением, намного превышающим допустимый уровень. Потом я шла в эти семьи и искала источники попадания в организм этих радионуклидов. В основном превышение шло от продуктов леса: мясо – дичь, грибы, ягоды дикие, они до сих пор с превышением. Мы уже научились выращивать свою домашнюю продукцию совершенно чистой – ученые нам посоветовали, что, если в почве недостаток калия, то цезий, а если кальция, то стронций поглощается растениями, все это стали приводить в нормы, в продукции, выращенной на нашей земле, уже давно никаких превышений нет. А в лесу по сей день превышение.

Поэтому мы в своей лаборатории приучили охотников, чтобы они приносили и проверяли, чтобы они знали, чем кормят своих детей. Некоторые цифры для сравнения: если допустимый уровень в дичи 500 Беккерелей/ кг, то там [*в дичи – ред.*] было больше 10000. Но и чистые попадают. Люди как-то привыкли, без проблем носят эти пробы. Даже две школы на территории нашей Комаринщины знаменитой, это от Брагина еще 45 км в сторону Чернобыля, даже школьники приходят с учительницей, приносят свои пробы, и с удовольствием я им рассказываю, показываю, определяю для них, и они уже довольные, дома, естественно, родителям рассказывают.

Когда мы начали этот проект в 2003 году с CORE – измерение детей – и до 2008, то мы, когда обрабатывали эту информацию, очертили группу риска, как мы ее называли, в которую входили, допустим, 10-15 человек, у которых были слишком крупные превышения. К концу осталось только 3 человека, у которых было свыше 100 Беккерелей, а прежде были и по 2000 и по 700 и 600.

Я считаю, что мы провели огромную работу и доказали, что если на этой территории жить и соблюдать все правила личной гигиены – мыть обязательно руки, поработав в огороде, переодеться, не есть продукты из леса, то внутренних накоплений не будет ни у детей, ни у людей.

Когда мы сотрудничали по этому проекту, мы ездили в Норвегию. Там, когда испытывали атомную бомбу, они были уже оснащены приборами более-менее современными, не то, что у нас были. Но у них допустимые уровни в 10 раз выше, чем у нас. Если у нас в детском питании не должно быть превышения выше 37 Беккерелей/кг, то у них 370, молоко у нас 100 Беккерелей, у них 700 допустимый уровень. У тех оленей, как они нам показали, которых они с гор сгоняют и убивают, у нас в дичи – 500 Беккерелей, а у них 2500 и они едят даже такое мясо.

Мне пришлось побывать в Японии, когда взорвалась Фукусима, позвали меня туда на международный семинар по радиационной защите. Я там защищала свою презентацию, все это им рассказывала. Это мы первопроходцы, им есть на ком изучать, нам не на ком было. Они совсем по другому работу ведут, по сравнению с нами.

Нас с первых дней учили, образовался Институт радиологии в Гомеле, была первая директор из Обнинска, у нас каждые два месяца проходили учебные занятия. Нам все доступно рассказывали и показывали. Почему мы там так смело и живем, потому что мы все это уже испытали, уже применяем и видим свои же результаты. Мне часто задают вопрос: почему вы оттуда не уехали? Я не знаю, но, во-первых, я не могла оставить своих животноводов, мне их было жалко, как же я могла их оставить, и потом, а куда ехать, везде можно жить, главное, что надо, надо жить и всегда быть оптимистом в своем деле, как я считаю. Поэтому не надо бояться Брагина. Там, мне кажется, ничуть не хуже, чем по всей Беларуси.

Шкурко С.П., врач-радиолог районного центра гигиены и эпидемиологии:

Я врач радиолог Брагинского районного центра гигиены и эпидемиологии. Я вам расскажу о государственной структуре радиационного контроля, который проводится у нас в районе.

В нашем районе 5 радиологических лабораторий и два пункта радиационного контроля. Поэтому, чтобы что-то у нас прошло непроверенное, такого нет. У нас проверяется вся продукция, которая выращивается в личных подсобных хозяйствах, фермерских хозяйствах и обязательно в хозяйствах [*коллективных – ред.*]. Как только начинается подготовка или уборка урожая в подсобном или другом хозяйстве обязательно проходит радиационный контроль, в обязательном порядке. Также у нас в районе находится счетчик излучения человека. У нас их два – один находится в Комарине, другой в Брагине. Поэтому померить внутренние накопления человека не то, что возможно, но и проводится в обязательном порядке, и детей и взрослых. В последнее время никаких нареканий, нарушений нет. Вся продукция, которая у нас выращивается за последние 10 лет, вся чистая. У нас в районе у каждого есть какие-то грядки, каждый сам выращивает. В последнее время у нас даже стало можно, так как у нас стало тепло, выращивать бахчевые.

Люди у нас грамотные, если их какой-то вопрос интересует, они спокойно приходят, этот вопрос задают, мы спокойно этот вопрос решаем. Я сама из Брагинского района, там родилась, там вырастила детей. Сейчас мой старший сын после окончания учебы тоже вернулся в Брагинский район работать.

Контроль у нас сильный. У нас очень много «точек», в которых мы проводим контроль. Когда был пожар на Чернобыльской атомной станции, в этих точках мы контроль проводили каждые два часа. Никаких превышений, ничего у нас не было, у нас все в норме. У нас до такой степени все организовано, что даже мышь не может проскочить, чтобы она не была проверена. И пропустить какую-то продукцию [*с превышением – ред.*], чтобы она реализовывалась, практически невозможно. У нас очень много фермерских хозяйств, которые держат коров, и у нас уже жители до такой степени привыкли, что не хотят покупать молоко, которое продается в государстве, потому что лучше купить готовое парное молоко, прямо из-под коровы. Они просто приходят, спрашивают, какое по качеству это молоко, и спокойно его покупают. Так что народ у нас настолько к этому привык и грамотно воспринимает, что можете и вы спокойно к нам приезжать и не бояться.

Нилова Е.К., сотрудник Института радиологии, кандидат биологических наук:

Я приветствую всех организаторов, участников семинара. Основную мысль уже представила моя коллега из Белорусско-Российского информационного центра, а также все выступающие. Позвольте, я некоторый информационный материал покажу в своей презентации.

Процессы преодоления последствий катастрофы находятся в центре государственной политики. Я представляю свое сообщение на тему «Радиологической защиты населения территорий пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, защитные мероприятия, радиологический мониторинг и эволюция нормативной базы в Республике Беларусь».

В настоящее время площадь территории с уровнем загрязнения цезием¹³⁷ свыше 37 кБеккерелей на м² и стронцием свыше 5,55 кБеккерелей на м² составляют 14,5% по цезию и 6,2% по стронцию от общей площади Республики Беларусь. На слайде показан прогноз плотности загрязнения стронцием территории Республики Беларусь на 2016 год и на 2046 год. Показано, что загрязнение в указанные годы сохранится только в трёх областях нашей республики – это Брестская, Могилевская и, соответственно, самая загрязнённая Гомельская область. Ожидается, что площадь загрязненной территории уменьшится по сравнению с 1986 годом в 2016 году в 1,5 раза, а в 2046 году в 4 раза.

Планирование организации проведения защитных мероприятий в поставарийный период включает следующие этапы, которые показаны на слайде, и алгоритм, которого придерживается наше государство.

На настоящем слайде представлена как раз организация системы радиационного контроля. Вся продукция, как выступающие уже представили эту сферу радиационного контроля, подвергается процедуре проверки и продукция, которая соответствует нормам, поступает в магазины, на реализацию. Не прошедшая контроль продукция, как известно, перерабатывается или утилизируется. Во множестве сельскохозяйственных организаций проводятся контрмеры. Те организации, в которых были проведены контрмеры, но результат не был достигнут и содержание радионуклидов в продукции все же превышает допустимые уровни, прошли переспециализацию. Например, сельскохозяйственные организации, которые занимались молочным производством, переведены на мясное производство. Таким образом, продукция стала соответствовать установленным нормативам.

Сейчас про некоторые контрмеры, которые наше государство выполняло для уменьшения содержания радионуклидов в сельскохозяйственной продукции и в продуктах питания. Были внесены удобрения с целью уменьшения содержания цезия и стронция, в комбикорма добавлялся пирогин. Однако необходимо отметить, что по истечении времени эффективность агротехнических и агрохимических приемов снижается, как показано на слайде. Но все же эти мероприятия до сих пор являются весьма актуальными и эффективными.

Очень важной контрмерой является грамотный подбор овощных культур, которые можно производить на определенной территории. То есть, например, бобовые нежелательно высаживать на территории с наибольшим уровнем загрязнения, так как они больше всего накапливают в себе радионуклиды цезия. Капустные – наименее, поэтому капустные можно производить на самых загрязненных территориях.

Что касается животноводческой отрасли, введение пироцина в качестве добавки в корм животным, позволило в достаточной степени снизить содержание радионуклидов в конечной продукции до 10 раз, в основном в молоке коров до 10 раз уменьшилось содержание цезия.

Еще одна контрмера, очень актуальная и, которую чаще всего используют на загрязненных территориях, это переработка. Молока на масло, крема, сыры. Таким образом, тоже можно снизить содержание радионуклидов в конечной продукции по сравнению с сырьевой. То есть конечная продукция будет соответствовать допустимому уровню содержания радионуклидов.

Еще одна контрмера: если использовать загрязненные корма не для молочного производства, а для мясного, то можно коллективную дозу сократить до 40 раз по сравнению с тем, если бы загрязненные корма использовались для молочного производства.

Этот слайд посвящен растениеводческой сфере. Здесь показано, что если загрязнено зерно и оно не соответствует нормам для употребления в качестве продуктов питания, то его можно

использовать для корма животным, в свиноводстве, птицеводстве и таким образом коллективную дозу тоже можно существенно сократить, до 30 раз.

Хотелось отметить, что с 1986 года 5 раз менялись республиканские допустимые уровни [содержания радионуклидов в продукции – ред.] в сторону ужесточения. Например, по содержанию в мясе как видим изначально был до 1850 Беккерелей/кг, в настоящее время действует 500. В связи с вступлением в таможенный союз у нас планируется 180 Беккерелей на килограмм. Так как нормы республиканские по всему уровню были ужесточены, поэтому и дозы внутреннего облучения были сокращены. Поскольку содержание радионуклидов уменьшилось в продуктах питания, население получало меньше дозы внутреннего облучения, что, впоследствии, на общую дозу сказалось очень позитивно. Доза снизилась с 1,7 до 0,5 миллизиверта в год.

Очень важно заниматься снижением содержания радионуклидов в продуктах питания, поскольку они занимают доминирующую долю в структуре формирования доз внутреннего облучения, до 95%.

В этой таблице представлена сравнительная оценка допустимых уровней содержания радионуклидов в Республике Беларусь по сравнению с соседними странами и со странами Евросоюза. Видно, что в нашей стране используются самые жесткие нормативы по содержанию радионуклидов.

Как я уже говорила, в настоящее время наша страна вступила в Таможенный союз. Поэтому некоторые нормативы у нас изменились. Например, содержание стронция в определенных продуктах ранее не нормировалось, сейчас уже установлен определенный норматив. То есть сейчас наша продукция также будет проверяться, и она будет, соответственно, более безопасной для употребления в пищу.

При выборе конترفмер нужно конечно учитывать не только радиологическую, но и социально-психологическую, бионическую составляющую. Но в целом все эти конترفмеры привели к тому, что продукция стала менее загрязненной.

На слайде представлено загрязнение цезием молока произведенного на территории радиоактивного загрязнения. Более 90% молока производимого как в общественном секторе, так и в частном секторе полностью соответствует содержанию стронция в продуктах детского питания, менее 37 Беккерелей/кг.

Таким образом, естественные процессы распада радионуклидов, грамотная государственная политика, способствуют тому, что продукция, производимая на территории радиоактивного загрязнения, полностью соответствует допустимому республиканскому уровню. Дозы также очень сильно снижены, поэтому территория является очень благоприятной для жизни и развития.

Спасибо за внимание.

о. Игорь:

Я приехал в Брагин в 2007 году с 4-месячным ребенком. Я мозырянин, родился в Мозыре, но учился и вырос в Латвии, и у меня не было радиофобии. Если бы я жил в Мозыре, продолжал жить, наверное, был бы этот страх. У меня очень часто возникает ассоциация с раздачей бесплатных одноразовых шприцев, мол, они наркоманы, уже конченные люди, так давайте мы им хоть шприцы одноразовые дадим, чтобы они СПИД хотя бы не распространяли. Такое же ощущение возникает от отношения к жителям районов, которые пострадали в этой катастрофе.

У меня такой вопрос, я человек далёкий от науки. Если взять район Минска с численностью населения приблизительно как численность населения всего Брагинского района. Кто-нибудь проводил сравнительный анализ содержания радионуклидов в почве? И не только радионуклидов.

А давайте еще сравним содержание свинца, содержание иных элементов. Кто-нибудь проводил такой анализ? Проводился сравнительный анализ воздуха в Минске и в Брагине?

А качество питьевой воды, качество воздуха атмосферного, качество воды в речке Брагинке и других реках. В Брагине есть речка, в которой все купаются и не подхватывают ни глистов, ни каких-то кожных заболеваний, в той же самой Брагинке люди ловят рыбу, ездят на Днепр в Комарин, купаются дети, там проводятся летние лагеря, встречи, спортивные лагеря. Кто-нибудь говорил о статистике? Анна Николаевна, больше все-таки к вам, какие у нас места дети занимают по области, по районам, какие у нас места занимают дети на олимпиадах, например, по немецкому языку.

Давайте же не будем думать и говорить о районах, которые оказались в зоне [загрязнения – ред.], как о наркоманах, которым только и осталось, что раздавать шприцы и, извините за выражение, презервативы, чтобы они хотя бы СПИД не разносили. В Мозыре меня стали сторониться. Потом только я сообразил почему.

Артюшкевич Е.С.:

Батюшка, все-таки несколько другое от вас хотелось бы услышать. Насколько душеспасительна церковь, насколько она помогает нейтрализовать эту фобию.

о. Игорь:

Вопрос в том, что этот стресс усиленно поддерживается и порой провоцируется теми же самыми средствами массовой информации. Ведь в каком ключе мы продолжаем бесконечно слышать о чернобыльской проблеме? Трагедия, катастрофа, что с этим делать, бедные люди и т.д. и т.п. Мы сами, по сути, в какой-то мере на глубинном подсознательном уровне провоцирует усиление этой фобии.

Артюшкевич Е.С.: Так какова роль церкви?

Церковь и культура это две прекрасные области, которые могут и должны взаимодействовать. Церковь не закрывает от людей все остальные области жизни. К сожалению, как по отношению к Чернобылю, так и по отношению к церкви, у нас складывается впечатление, что церковь – это старенькие, необразованные бабушки с завязанными платочками, которые ничего не должны знать и только лишь молятся и постятся. Но церковь – это общество, общественная организация. Апостол Павел говорит: «Все мне можно, но не все полезно». И верующий человек может рассказать, посмотреть, какую проблему можно решить и как можно жить, взаимодействуя с окружающим миром, чтобы это было еще и полезно. Мы должны действовать совместно – церковь, государство, культура, пресса, другие организации, а не заниматься только лишь муссированием проблемы и задавать вопрос «А не связана ли проблема Чернобыля с социальной запущенностью?». Но социальная запущенность не зависит от того есть радиация на этой территории или нет. Ведь социальная запущенность произрастает от чего? От безразличия и от бескультурья. В Брагине, например, некуда отправить своего малыша, чтобы он мог как-то развлечься, молодежь старается уехать из района по мере возможности. Благо появился семейный клуб, я активный член этого клуба, где проводится столько прекраснейших мероприятий, но о нем не знают в Брагине. Я прямо в церкви людей приглашаю.

Надо говорить «Приедьте, посмотрите, у нас лучше, чем у вас же в Минске». Приедьте, посмотрите, там живут очень интересные люди. Да, у них есть некоторые сложности, но это результат той фобии, которая бесконечно муссируется в средствах массовой информации. Но, если поднять социальную сферу, культурную сферу, если сделать так, чтобы людям было интересно узнать о Брагине, что это не только лишь место, где есть радиация, но и место, где происходили исторические события, там жил Лжедмитрий, там он встретился с Мариной Мнишек. Ведь нигде об этом не рассказывают. Мы забываем о том, что есть огромный пласт культуры. Культура может соединиться с церковью, если на концертах будут звучать, например, не только песни о любви, но и песни духовной тематики, если будут проходить не только лишь дискотеки, но и какие-то тематические вечера. На базе музея недавно состоялся прекраснейший тематический вечер, посвященный творчеству Булата Окуджавы.

Давайте задумаемся, что человек не только лишь некое жалкое существо белкового происхождения, отчего-то наделенное способностью мыслить. Человек живет во вселенной – в макрокосмосе, и человек является вселенной – микрокосмосом. В человеке есть все то, что есть в окружающем мире, и от человека зависит, что будет в этом мире продолжаться. «Если в сердце моем, - говорит апостол и говорит Господь, - если сердце мое переполнено злобой и ядом, я эту злобу и яд и выплесну, но если сердце мое будет наполнено любовью к людям, к своей земле, к Родине, к своему государству и к Богу, я поделюсь этой любовью с окружающим меня миром». Ведь вселенная пала вслед за человеком. Как царь, венец творения, человек повредился во время грехопадения в своей природе, в своих взаимоотношениях духовного, душевного и телесного мира и за ним пошла, как за своим владыкой вся природа, в мир пришла смерть, энтропия, стремление к саморазрушению. Если человек возродится, весь окружающий мир станет возрождаться. Поэтому давайте будем вспоминать не только о том, что надо обрабатывать правильно почву, что надо соблюдать правила гигиены и тому подобное, что надо еще работать с людьми, с их сердцами, с их душами. Их надо согреть, им надо дать возможность выйти из этого хронического стресса и научиться радоваться жизни. И тогда все будет намного быстрее, намного лучше, намного красивее и правильнее.

Спасибо, что уделили внимание.

Зеленковский И.Ф.:

Я благодарен организаторам, но хочу уточнить, что сюда я приехал не потому, что мои предки из Бабчина, а из профессионального интереса, поскольку по базовому образованию врач. В свое время начинал работать хирургом, потом занимался физической экологией мегаполисов – шум, радиация в городской среде, загазованность, расчеты и меры защиты. То есть меня это интересует в профессиональном плане. В последние годы перешел в социальную экологию, как раз то, о чем здесь говорят – фобии, страхи и как с этим бороться. Мне было очень интересно здесь присутствовать, и я сделал для себя кое-какие выводы. Отец Игорь очень правильно сказал, что нужно избавляться от страха, и, если сравнить угрозы, которые существуют для человека в Минске – в большом мегаполисе – и в Брагине, то еще неизвестно, где их больше. Потому что, как перед этим говорили выступающие, основной причиной заболеваемости является стресс, стрессовая ситуация, в которой оказывается человек.

Если говорить о стрессе, то он в мегаполисе гораздо выше из-за плотности населения, шума, и он очень влияет на сердечно-сосудистую систему, приводит к раннему старению и заболеваемости. Так что, если все сравнить, то неизвестно, где опаснее. Конечно, и в зоне Чернобыльской катастрофы, опасно, но здесь постоянно говорилось очень важная вещь, что все держится под контролем. Под контролем жестким, как государства, так и населения. Население обучено, грамотно, знает как себя вести. То же самое в Минске, если не научить ребенка правильно переходить дорогу, то риск очень высокий. То есть такие «дорожные» правила жизни в Чернобыльской зоне существуют и уже вошли в норму, и никаких страхов у жителей поэтому нет.

Теперь я хотел бы перейти к основному, что хотел бы сказать. Много звучит о европейских программах, которые помогают в преодолении этой трагедии, но все-таки, здесь звучали и показаны были цифры, без системы, которую обеспечила Беларусь, как государство, и тех громадных сумм, ничего бы не было. Из Европы идет какая помощь? Как лучше с населением

работать, не более, и это нужно понимать. Европейские общественные организации помогают Чернобыльской зоне, но в то же время, есть масса европейских структур, которые финансируют, поддерживают и подталкивают многие политические партии белорусские, которые проводят ежегодные «Чернобыльские шляхи». То, что мы здесь собираемся и говорим позитивно, пытаемся снять страх, фобию, которая на сегодняшний день, действительно, главная проблема, это мало кто услышит. А вот «Чернобыльский шлях» ежегодный и пресса, которая вокруг этого существует, как раз нагнетают постоянно страхи, и вся работа и государства и общественных организаций, позитивных общественных организаций уходит насмарку. Поэтому, если здесь собрались представители государственных организаций, общественных организаций, реально живущих и работающих людей там, в Чернобыльской зоне, и представители церкви, то было бы неплохо сделать обращение и для прессы, и к европейским структурам, тем более этот семинар организован с помощью европейских структур, чтобы они задумались, чего они хотят? Принести нам вред, немного пропиарить политические структуры на фобиях либо прорекламировать себя, помогая там на месте. Это очень важный вопрос, и мне хотелось бы, чтобы вы отнеслись к этому серьезно. Я имею возможности, я занимаюсь и политологией в том числе, имею доступ к широкой прессе, я смогу обеспечить публичность этого общего заявления.

Спасибо за внимание.

Савченко И.М.:

Я хочу сказать в дополнение к этому замечательному предложению. Несмотря на то, что здесь собралась исключительно позитивная аудитория, у нас неоднократно, пусть и подсознательно, присутствовал сравнительный элемент: Минск – Брагин, Брагин – Минск, у них – у нас. На самом деле, одна из глобальных проблем, которую принес Чернобыль, это раскол национального объединенного самосознания. Этого сравнительного «у них» и «у нас» быть не должно. Что говорилось во всех войнах?.. Разделяй и властвуй. Это [*Чернобыль – ред.*] принесло нам разделение. Что такое разделение национального сознания, что такое деление на «мы» и «они» мы знаем по примеру Югославии, где использовалась религиозная вражда, мы видим на примере Украины, где используется национальная вражда. Этих вещей, которые делят нас на уровне сознания, идентификации быть не должно, мы едины. Пресса нередко работает безграмотно, при всем уважении к присутствующей прессе, здесь находятся представители СМИ, которые уделяют время таким мероприятиям. В большинстве же случаев пресса находит какие-то более важные для себя мероприятия, журналисты не посещают пострадавшие районы, не приходят на встречи с представителями пострадавших районов, делают некие такие поверхностные выводы, поверхностные статьи, а национальное сознание ими питается. А нас здесь мало, мы локально, нас не слышит вся страна, а прессу, открытые обращения слышит, и, к сожалению, этот раскол в обществе перманентно поддерживается, а в контексте строительства новой атомной станции происходит множество манипуляций из экономических сфер, которые переходят в идеологические сферы. Поэтому, мне кажется, стоит сделать такое публичное обращение. Наш центр может в чем-то помочь, может быть, добавить что-то в это обращение.

Зеленковский И.Ф.: *Нужно продумать текст, принять его*

О том, что мы просим перестать...

Святкина Н.А.: *Утрировать, напускать туман [о пострадавших районах – ред.] из абсолютно других меркантильных соображений.*

Кашевская Г.В.:

Мы говорили все эти дни о том, что необходимо изменить имидж района. Люди были очень убедительны. В принципе, я сама их провоцировала, что проводить, как это сделать, придумывала разные ходы. Мы хотим, чтобы пресса нас осветила, все сделала, показала и т.д. В то же время прессе, всем СМИ, не нужны авторы, им надо наполнять свои газеты, журналы, передачи. Поэтому ваша задача на местах писать о своей жизни. Если мы не знаем, что происходит, мы начинаем додумывать, и люди точно также. Если вы будете хоть немножко, но каждый день что-то давать и налаживаете взаимоотношения с теми же самыми средствами массовой информации, то люди будут видеть, что там происходит совершенно нормальная жизнь. Эту жизнь показал буквально этот день. Столько идей написали. Они живут, знают, что производить и что поставлять, и говорят, что

им нужны знания по логистике, чтобы поставлять ягоды в Россию, в Украину. Вашу жизнь необходимо показать, просто показать, а это значит сотрудничать. Никто нам навстречу сам не пойдет, если мы не пойдем навстречу. Вам нужно выходить за пределы региона.

Уже можно сотрудничать с “Краеведческой газетой”, радио “Культура”, и дальше налаживать контакты с теми, кто представляет больше, чем ваш регион. В своем регионе вы имеете хороший имидж. Ваша задача выйти за ваш регион.

Литвинчук В.П.:

Дарагія мае людзі, нічога мяне не падштурхоўвала, каб я выступіла, але нешта знутры мяне падштурхнуло, я взяла ручку і так сам лёг на паперу гэтой верш. Я не паэт, я рукаводітель кружка танцавальнага, але хочу, каб яго почулі.

Верш будзе от ліца чалавіка, які жыве ў Брагінскім раёне, поколькі воны наеліся во гэных пернікаў Чарнобыльскіх от так, то мы ў Брэсцкай вобласці іх адно што надкусілі.

Плачце людзі, плачце ўголас,
Вёска апусцела ўшчэнт,
Не паспеў наліцца колас,
Над бусламі чорны тэн.

Із агню, атруты, дыму,
Із-за збэшчанасці нечай,
Раскурыў Чарнобыль прымус
Над спакоем чалавечым.

І загад – ад’ехаць, пакінуць,
Вокны дошкамі забіць,
Сэрцу роднае – адрывуць,
І забыць, забыць, забыць...

Родны кут, як ты мне мілы!
Не адмовіцца ніяк
Ад бацькоўскае магілы,
Над якой гняздо звіў птах.

Буду жыць у роднай хаце!
Хоць сляза цячэ ад дыму.
Мяне выхавала маці
У любові да Радзімы.

Дзякуй.

Середа Юлия, сотрудник ОО «Белорусский зеленый крест»:

Насколько я знаю, в связи с Чернобылем, очень много лет подряд, одни и те же дети, не только из Брагинского района, ездят на оздоровление за границу. Готовы ли жители отказаться от всех льгот, полученных после Чернобыля?

— Я Середенко Валентина Семеновна, уроженка и высленка Пирок, деревня Пирки. Я пострадавшая, имею троих детей. Я ни одними льготами не пользуюсь, и мои дети ни разу не оздоравливались и живут в настоящее время в районе.

Середа Ю.: То есть вы эти льготы и не получаете и не получали. Но есть те, кто этим пользуется.

Котлобай Т.В.:

Я по роду своей деятельности в том числе занимаюсь благотворительной деятельностью. Мы работаем с бельгийцами. Ежегодно по линии оздоровления мы получаем приглашения из Германии, Италии, Испании. Мы разговариваем с семьями и не каждый ребенок хочет, и не каждая мама тоже. Для детей это тоже стресс, и не с большой охотой дети едут. Есть еще

проблема. Ежегодно по этой линии один раз в год мы оздоравливаем детей в санаториях. Если смотреть с позиции мамы, то предпочтительнее было бы, чтобы мама ехала со своим ребенком, тогда это было бы оздоровление. Дети не очень хотят оздоравливаться, и мы за это не держимся как за какой-то предмет достояния нашего района.

Артюшкевич Е.С.:

Я так понимаю, что случился некий информационный провал, виноваты и мы и вы, виноваты две стороны, давайте будем честными. Так давайте сотрудничать, вы носители информации. Вы живете там, вы знаете условия, в которых живете. Мы, если нам давать информацию, если давать направление, то мы конечно же поддержим. Я готова в меру возможностей радиоканала "Культура" делать то, о чем мы говорили.